

По принципу бетономешалки О тотальной люмпенизации советского общества

Александр ПУТКО

**Тупеет серп, Ржавеет
молот, Хрустят разбитые
очки.**

И. Иртеньев.

Кажется, мы все больше осознаем, что составляющие общество классы в том виде, в каком они представлялись нам многие десятилетия, существуют лишь в нашем воображении.

Доводилось ли вам видеть, как работает бетономешалка? В ее железном чреве с лязгом и скрежетом перемешиваются гравий, цемент и вода. В результате получается вязкий податливый материал, который затем образует монолит нужной формы.

По такому принципу формировалось и наше нынешнее общество. Под фанфарный гром маршей, под трескотню лозунгов неустанно работал механизм, называемый государством. Вращались его многочисленные сцепленные зубьями колеса, двигались мощные шатуны и поршни. И месила эта машина, перемешивала в обществе классы, рвала их социальные связи.

Строгих, непреодолимых границ между классами, разумеется, не существует нигде в мире. И кто из нас не слышал о чудесных превращениях: бывший чистильщик сапог избирался президентом, а разорившийся миллионер доживал последние дни в трущобе, сын крестьянина-бедняка становился светилом науки, а выходец из семьи ничтожного чиновника вставал во главе гигантского концерна. Социальная миграция — процесс естественный, если он приводится в движение энергией, инициативой, способностями и стремлениями индивидуума. Но этот процесс становится бедствием, если в него по чьей-то воле, по принуждению втягиваются массы.

При нормальном течении жизни социальные связи весьма устойчивы, и это в конечном счете служит благу общества, обеспечивает его стабильность и процветание. Испокон веков лучшими мастерами своего дела были те, кто передавали из поколения в поколение традиции, секреты профессии и любовь к ней: потомственные металлурги, хлеборобы, врачи, учителя и т. д. Но будучи устойчивыми, спаянными общностью интересов, классы являют собой силу, способную при определенных условиях противостоять власти. Чтобы этого не произошло, самое надежное средство — запустить «бетономешалку», создать из разнородных ингредиентов однородную податливую массу.

С чего начиналось, известно: рабочий в роли управляющего банком, унтер-офицер, командующий дивизией, бывший матрос — организатор крестьянской коммуны. Но то, что поначалу диктовалось чрезвычайными обстоятельствами,

очень скоро стало политикой. Некоторые историки, оценивая прошлое, многое объясняют ошибками, перегибами, иногда глупостью тех или иных руководителей. Однако выстроив все факты в хронологическом порядке, мы обнаруживаем их непрерывную цепь и взаимосвязь. И это говорит о том, что перед нами не случайные совпадения, а последовательная политика.

В 1920 г. переписью было учтено 1,7 млн рабочих, т. е. в два с лишним раза меньше, чем до первой мировой войны¹. За первые три послереволюционных года рабочий класс подвергся «таким бедствиям и лишениям, голоду, ухудшению своего экономического положения, как никогда ни один класс в истории писал В. Ленин². Но вскоре численность рабочего класса стала быстро расти: на предприятия и стройки хлынула сельская молодежь. Кто бежал от голода из разоренной деревни, кого направляли в порядке мобилизации. Помните, у Андрея Платонова в «Котловане»: «Неизвестные люди оказались новыми рабочими, что прислал Пашкин для обеспечения государственного темпа. Но рабочими прибывшие не были: Чиклин сразу без пристальности обнаружил в них переученных наоборот городских служащих, разных степных отшельников и людей, привыкших идти тихим шагом позади трудящейся лошади; в их теле не замечалось никакого пролетарского таланта труда, они более способны были лежать навзничь или покоиться как-либо иначе.

Прушевский определил Чиклину расставить свежих рабочих по котловану и дать им выучку, потому что надо уметь жить и работать с теми людьми, которые есть на свете...»³.

Многотысячные массы работников, занятых на стройках электростанций, каналов, железных дорог, заводов и шахт, с большой натяжкой можно было считать рабочими в полном смысле слова. Сплошь малограмотные, вооруженные лопатой, тачкой, ломом, киркой, эти люди не были носителями ни рабочих профессий, ни пролетарского сознания. Они кое-как, наспех обучались элементарным приемам работы, одной-единстве иной рабочей операции.

По данным Наркомтруда, оглашенным на XIV съезде ВКП(б), на 1 апреля 1924 г. в стране насчитывалось 5,5 млн рабочих. К концу 1925 г. их стало уже более 7 млн, а в 1939 г. число рабочих в СССР перевалило за 33 млн⁴. Почти все они были выходцами из деревни. Оторванные волею судеб от земли, от привычного образа жизни, они долгое время сохраняли деревенскую психологию, свои привычки и традиции.

В приведенной выше цитате из Андрея Платонова говорится о «переученных наоборот городских служащих и разных степных отшельниках». Рабочий класс пополнялся и за счет других мигрантов — детей интеллигентов и «лишенцев». Им становилось все труднее поступать в институты и техникумы — предпочтение отдавалось рабочим, а точнее, представителям деклассированного крестьянства, поскольку именно оно и составляло подавляющую часть рабочей молодежи. Провозглашенный лозунг «Знания — массам!» был, безусловно, гуманным и нужным в стране, где три четверти населения не умело читать. Но как же нелепо он осуществлялся! В спешном порядке числом поболее готовились кадры новой интеллигенции. Кстати, вот ведь коварство жизни! Дети этих новоиспеченных интеллигентов через несколько лет при поступлении в учебные заведения столкнулись с тем же препятствием — ведь они уже считались выходцами, увы, не из рабочих, а порядки классового отбора сохранялись многие десятилетия.

В 50—70-х годах поставщиком рабочих кадров по-прежнему оставалась деревня. По данным Госкомстата СССР, среднегодовой отток из села за этот период составил 1,7 млн человек. Всевозможные оргнаборы, кампании по вер-

¹ См. Стариков Е. Маргиналы. «Знамя», 1989, № 10.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 43, с. 132—133

³ «Новый мир», 1987, № 6, с. 64.

⁴ БСЭ. Т. 24 — II, с. 16.

бовке рабочей силы, призывы типа «Молодежь — на стройки коммунизма!» импульсивно вливали порции новичков в рабочий класс.

Продолжали исправно действовать, доведенные до совершенства и такие социальные смесители, как армия и ГУЛАГ. Только сейчас появляется возможность не по слухам и «прикидкам» представить себе масштабы использования заключенных на черной работе. На 1 марта 1940 г. ГУЛАГ состоял из 53 лагерей, 425 исправительных колоний. Вот где мгновенно превращались в даровых чернорабочих инженеры, врачи, ученые, поэты, полководцы, балерины. По данным, обнаруженным в архивах научным сотрудником Института истории СССР АН СССР В. Земсковым, к концу 1947 г. в лагерях содержались 1 108 057 заключенных. (Сюда не входят отбывающие срок на принудительных работах и ссыльные.)⁵

Великую тайну составляет и число военнослужащих, выполняющих роль дешевой рабочей силы на разных прорывных участках нашей вечно буксующей экономики.

Так уж повелось, что рабочей силы в СССР не хватало. Мы даже гордились этим: с 1930 г. у нас решена проблема занятости. Никто в мире не мог разрешить эту задачу, а мы всем нос утерли, обеспечили реальное право на труд. Повсюду объявления с надписью «требуются!». Требуются токари, водители, продавцы, медсестры, маляры... Статистика подтверждала: сегодня на 100 станков, приходится 60 станочников, на 5 машин и тракторов — 4 шофера или тракториста⁶. Да мы и других работой обеспечить можем. У нас, если хотите знать, и сегодня работают свыше 100 тыс. иностранных рабочих⁷!

На проверку же выясняется, что безработица у нас существует, причем немалая. Долгое время она была скрыта позорно низкой производительностью труда: 50 млн человек в народном хозяйстве работают вручную. Четыре человека (с соответствующим раскладом зарплаты) работают там, где и троим делать нечего. Экономисты подсчитали, что при рациональной организации труда можно уже сейчас высвободить 32 млн рабочих, Это вдвое больше мнимого дефицита рабочей силы⁸.

Ан нет. Предпочтительнее оказывается старая система латания кадровых прорех с помощью «лимитчиков», военных строителей, студенческих отрядов и даже пенсионеров. Рабочим-пенсионерам, чтобы вовлечь их в производство, сохраняются пенсии. Мы много лет подряд говорим об интенсификации производства» а воз и ныне там. «На работах с неблагоприятными условиями труда в стране занято 15 млн рабочих. Многие, в том числе и женщины, работают в условиях, которые просто унижают человеческое достоинство»,— признал в своем выступлении на втором Съезде народных депутатов тогдашний профсоюзный лидер С. Шалаев⁹.

Таков сегодня рабочий класс первой в истории страны трудящихся.

* * *

Социальные преобразования обрушились и на крестьянство. Поначалу, как известно, был уничтожен верхний, самый плодоносный слой: 10 млн наиболее предприимчивых, работающих, а значит, и самых удачливых крестьян. Их ограбили, разорили до нитки и сослали в тундру, в тайгу на голод, нужду и вымирание. Часть раскулаченных оказались в ГУЛАГе и таким образом были превращены в рабочих. Взамен по тому же принципу «бетонешалки» в села направлялись отряды рабочих. Любопытные цитаты из «Правды» того времени привела

⁵ См. «Аргументы и факты», 1989, № 45, с. 7.

⁶ «Советская культура», 4 октября 1988, с. 3.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ «Правда», 17 ноября 1989.

Ю. Мяло в статье «Оборванная нить»: «Выдвижение и вербовка рабочих в колхозы будет носить характер массовой политической активности»¹⁰. Рабочих-активистов готовили на специальных курсах за 15—20 дней. Им-то и поручалось навести порядок в деревне. Средствами массовой информации создавался новый образ врага: кулак и сочувствующий ему подкулачник. «Раздавим ударом фабричной пяди!» — призывал пролетарский поэт А. Безыменский.

Классический образ «двадцатипятипятитысячника» создал М. Шолохов в «Поднятой целине», которая сегодня читается иными глазами: «Я, товарищи, сам — рабочий Краснопутиловского завода, — представился Давыдов гремяченским крестьянам. — Меня прислала к вам наша коммунистическая партия и рабочий класс, чтобы помочь вам организовать колхоз и уничтожить кулака как общего нашего кровососа. Я буду говорить коротко. Вы должны все соединиться в колхоз, обобществить землю, весь свой инструмент и скот. А зачем в колхоз? Затем, что жить так дальше невозможно же! С хлебом трудности от того, что кулак его гноит в земле, у него с боем хлеб приходится брать. А вы и рады бы сдать, да у самих маловато. Середнячко-бедняцким хлебом Советский Союз не прокормить...»¹¹.

Герой Шолохова бросил все карты на стол: главный производитель и держатель хлеба — кулак, поэтому, согласно революционной логике, он должен быть уничтожен. Как порешили, так и сделали. Естественно возникший после этого голод унес, по предварительным подсчетам, 3—4 млн жителей. Железной метлой прошел он по самым хлебным районам, по деревням Украины, Северного Кавказа, Поволжья, Казахстана, Урала¹². Из них вывезли заранее подчистую все зерно, в том числе и необходимое для будущего посева. Затем, обвинив крестьян в злостном саботаже, стали выселять их целыми селами. Репрессивный аппарат обрушил свою мощь, заметьте, уже не на кулаков, а на крестьян-колхозников.

С тех пор деревня никогда сытой не была. Со слезами отчаяния смотрели крестьяне, как вывозится «красными обозами» выращенный ими хлеб, в смятении думали, чем будут кормить детишек до нового урожая. А там опять первая заповедь колхозника — сдать хлеб государству, или еще циничнее и изощреннее: рассчитаться с государством. Тайком, с риском для жизни собирали колоски на полях после уборки. Постановление ЦИК и СНК СССР 1939 г. об охране социалистической собственности за припрятанное в кармане колхозное зерно предусматривало высшую меру наказания — расстрел. При смягчающих обстоятельствах — 10 лет лагерей.

Горожан тоже держали в страхе. Сажали в тюрьму за опоздание на работу, за неосторожно сказанное слово. Но чтобы с таким изуверством, с такой жестокостью! Ведь судили и детей за колоски, и кормящих матерей за глоток молока, подлежащего сдаче.

А кто только ни командовал крестьянином-горемыкой! Присланный из города шеф-пролетарий, свой бригадир-пьяница, председатель колхоза — казнокрад, директор МТС, предсельсовета, а дальше целая свора уполномоченных да чиновников из министерств, и по партийной линии — от районного секретаря до секретаря ЦК КПСС, самого «авторитетного специалиста» по сельскому хозяйству. И каждый из них «знал» лучше крестьянина, что и как ему сеять, когда убирать и по какой цене продавать.

Мы привыкли не доверять нашей статистике и до всего доходить своим умом. Высчитываем, прикидываем и больше верим своим глазам. В самом деле, что нам цифры, характеризующие рост производства в аграрном секторе, если перед нами пустые прилавки продовольственных магазинов. Если продукты везут не из деревни в город, а, наоборот, из города в деревню. И какие продукты!

¹⁰ «Новый мир», 1988, № 8

¹¹ Шолохов М. А. Собр. соч. Т. 5. М., 1986, с. 25.

¹² «Сельская жизнь», 2 марта 1989.

Мясо бразильское, масло французское, консервы китайские, хлеб канадский и американский...

И что нам цифры, характеризующие неуклонный рост благосостояния крестьян, если все, кто могут, бегут из села в город. Исход этот начался в тридцатые годы, когда умирающие от голода люди прорывались сквозь вооруженные оцепления. Их не мог остановить и строжайший паспортный режим, введенный постановлением ЦИК и СНК 27 декабря 1932 г. (СЗ. СССР 1932, № 84) «в целях лучшего учета населения городов и рабочих поселков, а также очистки этих мест от кулацких и иных антиобщественных элементов». Крестьяне находили пути обхода закона, воскресившего крепостное право. Пользовались всяческими лазейками. Редкий житель села, демобилизованный из армии, возвращался домой. Искали любую зацепку остаться в городе молодые колхозники, окончившие институты и техникумы. Девушки и парни из крестьянских семей, вступая в брак с горожанами, как правило, переезжали к ним. Известно, что с этой целью заключались и фиктивные браки. Так и говорят: «женился на прописке». Сложилась и цены такой сделки. Сельская молодежь вербовалась на стройки, шла в «лимитную» кабалу. Лишь бы подальше от никому не принадлежащей, бесплодевшей земли, от вечной нужды, от понуканий бесчисленного множества начальников, ничего не смыслящих в сельском хозяйстве.

В результате — «бесперспективные» деревни, дома с заколоченными окнами. Среди сельских жителей сплошь старики, к которым на лето приезжают из города отдохнуть дети с семьями. Заодно привозят из города сахар, консервы, крупу и макароны — запас родителям на зиму. В таких деревнях на двадцать-тридцать домов — одна корова, пять-шесть коз, свиней (если поблизости есть санаторий, рабочая столовая, откуда можно приносить пищевые отбросы). Не во всех домах держат кур.

Отдельные преуспевающие «показательные» колхозы не меняют общей картины прозябания сельского хозяйства: за последние 15 лет средний урожай по стране — 16,2 центнера зерна с намолота (для сравнения: в США — более 47 центнеров)-. Но и этот скудный урожай мы никак не можем ни собрать, ни сохранить. 80 процентов картофеля портится при уборке, 50 процентов — при хранении. Зерна мы теряем столько же, сколько затем покупаем за границей — 30—40 млн тонн¹³. От таких цифр волосы встают дыбом. А вспомнишь о том, кто работает на селе, и сразу начинаешь понимать: удивляться тут нечему. Каждый год на «сено», на «картошку», на уборку свеклы, льна, хлопка едут из городов рабочие, студенты, научные работники, даже школьники. Хорошо сказал по этому поводу Ю. Черниченко: «Выходило, как ни крути, что своей земли стране слишком много, чтобы ее могли обработать без принудительного труда студентов, солдат и прочих. Но ее же и слишком мало, чтобы прокормить население»¹⁴.

Вроде бы бесспорная истина: любое дело должен делать профессионал. Однако у нас все наоборот. Профессионального хлебороба постарались вытеснить из села, уничтожить, а на его место... Помните: «Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты, и я!». Тысячи молодых горожан эшелонами «по велению сердца» направлялись в степи Поволжья, Сибири, Казахстана. Тогда говорили, что это поможет кардинально решить зерновую проблему. Итоги известны. Вскоре после освоения целины мы стали исправно закупать зерно за границей. В отдельные годы приобретали за валюту до 50 млн тонн¹⁵.

«Бетономешалка» и тут сделала свое дело: непрофессионалами руководят непрофессионалы. Ходят анекдоты об Агропроме. Сравнивают его с Чернобылем, острят, что Агропром подстроили нам агенты ЦРУ. А дело-то ведь не в этом несурзном учреждении. Оно, может быть, и не появилось бы в обществе, где

¹³ См. «За рубежом», 1989, № 43.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

каждый занимается своим делом: хлебороб выращивает хлеб, а грамотный Политолог разрабатывает структуры управления. Да такие, чтобы были необременительны обществу и предоставляли наилучшие условия всем, кто создает материальные и духовные блага. Но беда наша в том, что уже не существует той силы, которая символизируется в нашем гербе серпом. Это давно устаревшее орудие труда наглядно отражает лишь уровень нашего сельского хозяйства.

* * *

Ну а что же случилось с интеллигенцией, с третьим социальным пластом, который, по ныне действующей Конституции, якобы составляет всю остальную часть занятого населения?

С первых дней советской власти «прослойка» доставляла массу хлопот руководителям и идеологам. То интеллигентов с презрением называли «гнилыми», «путающимися под ногами», то величали «несущими свет в массы». Одни причисляли их к контрреволюционерам-саботажникам, другие — к союзникам революционного пролетариата. Ленин со свойственным ему прагматизмом писал: «... Под руководством пролетариата мы должны заставить буржуазных специалистов служить нам — трудно, но можно; и если мы это сделаем, мы победим... Я получил представление, в чем заключается секрет использования нашего врага: как заставить строить коммунизм тех, кто являлся его противниками, строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не дано! И вот из этих кирпичей, под руководством пролетариата, мы должны заставить буржуазных специалистов строить наше здание»¹⁶.

Очевидно, следовало понимать, что с одной стороны — это чужеродная враждебная масса, а с другой — необходимый ингредиент в той смеси, из которой замышлялось формировать новое общество.

В энциклопедическом словаре издания «Прометей», выпущенном в 1927 г., читаем: «Интеллигенция — наиболее развитая умственно часть общества. С победою пролетарской революции в большинстве присоединилась к буржуазии, как единой контрреволюционной силе, и играла роль предателя революции (меньшевики, эсеры и т. д.). Только часть ее оставалась на советской службе как техническая сила («спецы»). Вновь нарастающая рабочая интеллигенция, идущая из рабфаков и вузов, не выделяется из рабочей массы, а сливается с нею, ибо цель пролетарской революции, между прочим, уничтожить деление на классы».

Прошло несколько лет, и «спецы» были практически вытеснены с производства новоиспеченной «рабочей» интеллигенцией. Многие из них в начале тридцатых годов находились уже в тюрьмах и лагерях. В их число попал и составитель упомянутого энциклопедического словаря, видный государственный и общественный деятель П. Стучка, член ЦИК и ВЦИК СССР. Его жизнь «трагически оборвалась» в 1932 году.

А вот данные за 1936 г.: на автозаводе имени Сталина из 968 инженеров 907 были представителями «пролетарской» интеллигенции; на «Красном богатыре» из 82 инженеров — 69, а на «Трехгорке» из 50 инженеров по штату остался всего лишь один старый специалист¹⁷. В тот год, выступая с докладом о проекте конституции, Сталин сообщил, что 80—90% советской интеллигенции — это выходцы из рядов трудящихся. «Как видите,— сказал он,— это совершенно новая трудовая интеллигенция, подобной которой не найдете ни в одной стране земного шара»¹⁸.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 55.

¹⁷ См. БСЭ. «Интеллигенция».

¹⁸ Сталин И.О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном съезде Советов. М., 1951, с. 28.

Казалось бы, пора изменить отношение к «прослойке». И Сталин действительно дает новое директивное указание: «Если в период разгара вредительства наше отношение к старой технической интеллигенции выражалось главным образом в политике разгрома, то теперь, в период поворота этой интеллигенции в сторону советской власти, наше отношение к ней должно выражаться главным образом в политике привлечения и заботы о ней»¹⁹. Однако на практике отношение к «умственно развитой части общества» оставалось прежним: недоверие, всяческие притеснения и ограничения, периодические встряски. Разгромные кампании проводились методически, как говорят артиллеристы, обстрел велся по квадратам, чтобы никого не пропустить: писателей, режиссеров театра и кино, экономистов, биологов, историков, филологов, художников, кибернетиков, конструкторов, архитекторов, врачей, композиторов. Неудобные карались, удобные награждались. Как правило, списками. В качестве «пряника» применялась целая система поощрений: почетные звания, правительственные награды, денежные премии, различные привилегии.

Однако что-то необъяснимое происходило с интеллигенцией. За пятидесятые, шестидесятые и семидесятые годы в ее рядах произошла полная смена поколений. Далеко в прошлом остались «спецы», идейные шатания, организационный разброд и групповщина. Сформировались и действовали единые творческие союзы — управляемые, дисциплинированные, подчиненные строгому регламенту и с восторгом исповедующие одну-единственную идеологию.

Но вот беда, не удается этим интеллектуально заряженным выходцам из рабочих и крестьян! Появились новые слова: «диссиденты», «невозвращенцы», «самиздат». И опять пошли в ход «нежелательные» меры от разгона выставок с помощью бульдозеров до арестов и изгнания из СССР с последующим лишением гражданства. Часть непокорных интеллигентов в порядке перевоспитания приходилось, как и прежде, «переводить» в передовой класс — отправлять в лагеря на лесосплав, на строительство железных дорог и новых каналов. На место убывших из рядов интеллигенции приходили пополнения. И опять за свое. Жизнь упорно доказывала, что дело тут не в социальном происхождении, а в способности понимать и критически оценивать обстановку в обществе.

Так что же представляет собой наша горемычная интеллигенция — топтанная-перетоптанная, мешанная-перемешанная? Можем ли мы определить хотя бы ее численность? Официальная статистика не дает ясного ответа. На протяжении многих лет она делила все занятое население на рабочих и служащих (почему-то объединяя их одной строкой в сводках) и крестьян-колхозников. Но даже если мы выделим служащих из общего числа, вряд ли сможем разобраться, кто они такие. Можно ли отнести к ним, например, писателя, ученого-физика, циркового акробата, композитора? С другой стороны, неправильно было бы отождествлять такие категории, как «служащие» и «работники умственного труда». В противном случае нам пришлось бы отнести к работникам умственного труда парикмахера, кассиршу магазина, швейцара гостиницы, манекенщицу. Попробуйте, исходя из существующей у нас социальной градации населения (рабочие, крестьяне-колхозники и интеллигенция), определить, к какой из этих категорий следует отнести профессионального боксера, машинистку, милиционера-регулировщика.

Может быть, принадлежность к интеллигенции определяется наличием диплома об образовании? Однако, по данным Института социологии АН СССР, среди наших рабочих 579 тыс. имеют дипломы специалистов с высшим и 4161 тыс. — со средним специальным образованием. И ведь ни за что не хотят переходить из рабочих в инженеры — мороки больше, а заработки меньше. С другой стороны, 40 процентов инженерных должностей у нас заняты людьми, не имеющими соответствующего диплома²⁰.

¹⁹Сталин И. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1953, с. 378.

²⁰«Социалистическая индустрия», 1 сентября 1987.

Вы еще не совсем запутались? Тогда обратитесь к юбилейному справочнику Госкомстата СССР «Народное хозяйство СССР в 1987 году». Вы узнаете, что «Преимущественно умственным трудом» у нас в стране заняты 44 млн человек. И еще: специалистов в народном хозяйстве (по диплому) 35 693 тыс. человек, а по занимаемой должности — 32 644 тыс. человек. Так сколько же у нас интеллигентов? Считайте как хотите.

Семь десятилетий неустанно и тщательно месилось наше общество. Прерывались сословные связи, перепутывались нити поколений, обрубались классовые корни. Социальный геноцид принес свои плоды: раскрестьяненные крестьяне, разрабоченные рабочие, неинтеллигентные интеллигенты. Вот вывод, к которому пришел публицист Ю. Кашук, автор статьи «После утопии над Атлантидой». Пытаясь осмыслить процессы, прошедшие в нашем обществе, он пишет: «Не приобрел ли теоретический тезис о стирании граней между классами практического облика люмпенизации общества в целом?»²¹. Что ж, сказано резко. Но разве не свидетельствуют об этом массовый непрофессионализм и полное равнодушие к результатам своего труда наших строителей, трактористов, школьных учителей, районных эскулапов, сотрудников НИИ, плановых органов, министерств. Разве не свидетельствуют о том же очереди к практически пустым прилавкам? И, пожалуй, главный, самый пугающий признак люмпенизации — социальная апатия, массовая примиренность с нашей нищей убогой жизнью. Мы привыкли к неубранным, плохо освещенным улицам городов, к непроезжим дорогам, обшарпанным домам, к неразрешимости жилищной проблемы, к перебоям на транспорте, к хамству в поликлинике. Хамство — это вообще характерная черта люмпена. И проявляется оно где угодно: на трибунах стадиона, на санкционированном митинге, проходящем у Кремля, даже на пленуме правления крупнейшей писательской организации. Злобная, примитивная психология деклассированных слоев населения видна в кровавых межнациональных конфликтах, в росте наркомании и преступности.

Люмпен в душе — всегда раб. «Бить нас надо крепче, чтобы порядок был», — говорит он со слезной тоской по кнуту. «Гнать нас надо из наших рядов», — вздыхает другой. И воскресают мечты о царе-батюшке, о «хозяине», при котором и колбаса была в магазинах, и цены снижались. В своих бедах люмпен готов винить мировой империализм, «жидомасонов», перестройку, Горбачева — кого угодно, только не самого себя. И бывший высокопоставленный чиновник, славно поживший в свое время, нахавший чего мог, а ныне благополучно пребывающий на персональном пенсионе, довольно потирает руки: «Не шибко идет дело с перестройкой. Результатов что-то не видать». Уж кто-кто, а он-то прекрасно знает психологию люмпена — сам такой. И на чем сыграть, знает: «До чего ж мы докатились! Мыла нет, работать никто не хочет, цены растут!». Слова эти находят живой отклик в пивных очередях, где тоже матерят перестройку, не желая понимать, что все наши сегодняшние проблемы и завалы — расплата за прошлое.

Ученые Института социологии АН СССР провели опрос среди рабочих на предприятиях Донбасса, Урала и центра России (Воронеж). Только 28 процентов опрошенных считают, что рабочие могут реально влиять на принятие государственных решений, и только 20 процентов верят в возможность благоприятных перемен в ходе перестройки. Многие выразили неудовлетворенность сохраняющейся инертностью старых форм в экономике и неуверенность в своем будущем. Примечательно, что это относится главным образом к молодежи. Еще в большей степени апатия и неверие наблюдаются в крестьянской среде. И не напрасно многие экономисты и социологи высказывают сомнение в том, что найдется достаточно инициативных крестьян, которые пожелают взять землю в долгосрочную аренду или в собственность, не опасаясь, что ее опять

²¹ «Книжное обозрение», 1 сентября 1989, с. 7

отнимут. И как винить за это трудящегося человека? Сколько десятилетий били его по рукам за инициативу, отучали его верить, мешали ему работать!

Можно разработать самую радикальную программу развития экономики, можно оснастить производство новейшим импортным оборудованием, но при любых условиях успех дела будет зависеть от людей — от их заинтересованности, знаний, мастерства, от их желания и умения хорошо работать. А потому прежде всего необходимо вылечить наш тяжело больной общественный организм, предварительно обследовав его и установив диагноз.

Последнее, безусловно, задача ученых. Пора серьезно разобраться в социальной структуре нашего общества, отказавшись от старых догм, от антинаучной примитивной трехчленной формулы «рабочие — крестьяне — интеллигенция». Академик Т. Заславская считает, что необходимо разработать более конкретное и релевантное представление о социальной структуре нашего общества, которая, по ее мнению, не проще, а сложнее структур капиталистических обществ²². Тем более, что с радикализацией экономической реформы, с появлением разнообразных форм собственности, с дальнейшей политизацией массового сознания все отчетливее станут проявляться в нашем обществе групповые интересы. Это объективный процесс, и нам остается лишь осмыслить и изучить его закономерности.

²² Иного не дано. М., 1988, с. 14.